

Ethnocultural Memory and National Identity: The Concept of "Self" and "Other" in Russian and Uzbek Historical Prose

Djuraeva Farahbonu Ismatillo-kizi

Assistant Teacher, Department of Russian Language and Literature, Samarkand State Pedagogical Institute.

Abstract

Cultural identity construction intrinsically relies on the cognitive opposition of alterity. This study interrogates the systemic representations of the "Self" and "Other" concepts within the chronotopes of Russian and Uzbek historical prose. Analyzing a combined textual corpus of 856,420 words, including seminal works by A. Ivanov and P. Kadyrov, the research applies a hybrid methodology of contextual-semantic analysis and statistical corpus processing. Quantitative extraction yielded 2,340 dominant lexical markers delineating binary sociocultural boundaries. Textual evidence indicates a statistically significant divergence in conceptual mapping. Russian historical narratives predominantly spatialized the "Other", anchoring alterity in frontier topography and geographical isolation (64.3% of contexts). Conversely, Uzbek literary matrices localized the "Other" internally (71.2%), utilizing intense socio-hierarchical and religious-philosophical discourse to delineate boundaries. Interpreting these results through Bakhtinian dialogism and Lotman's semiosphere reveals how specific historical trajectories forge divergent cognitive architectures. The findings offer a novel comparative framework for translation studies and intercultural didactics, optimizing cross-cultural comprehension in academic settings.

Keywords: Ethnocultural memory, alterity, conceptual dichotomy, Russian historical prose, Uzbek literature, comparative stylistics, semiosphere.

Этнокультурная память и национальная идентичность: концепт «свой» и «чужой» в русской и узбекской исторической прозе

Джураева Фарахбону Исматилло-кизи

**Ассистент-преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Самаркандский государственный педагогический институт**

Аннотация

Конструирование культурной идентичности неразрывно связано с когнитивной оппозицией альтеритета. Данное исследование анализирует системные репрезентации концептов «свой» и «чужой» в хронотопах русской и узбекской исторической прозы. На основе текстового корпуса объемом 856 420 словоупотреблений применяется гибридная методология контекстуально-семантического анализа и статистической корпусной обработки. Количественная экстракция выявила 2340 доминантных лексических маркеров, очерчивающих бинарные социокультурные границы. Текстуальные данные указывают на статистически значимое расхождение в концептуальном картировании. Русские исторические нарративы преимущественно пространственно локализуют «чужого», привязывая альтеритет к фронтальной топографии (64.3% контекстов). Узбекские литературные матрицы локализуют «чужого» внутренне (71.2%), используя социоерархический и религиозно-философский дискурс. Интерпретация результатов через призму бахтинского диалогизма и семиосферы Лотмана демонстрирует, как специфические исторические траектории формируют различные когнитивные архитектуры. Полученные данные предлагают новаторскую компаративную схему для переводоведения и межкультурной дидактики.

Ключевые слова: Этнокультурная память, альтеритет, концептуальная дихотомия, русская историческая проза, узбекская литература, сопоставительная стилистика, семиосфера.

Введение

Формирование этнокультурной матрицы детерминировано механизмами коллективной памяти, где дихотомия «свой – чужой» выступает фундаментальным когнитивным оператором. Литературный текст работает как резервуар культурной памяти. Он не просто фиксирует исторические события, но конструирует ментальные границы этноса. Современное сравнительное литературоведение испытывает острый дефицит кросс-культурных исследований, направленных на системную параметризацию концепта альтеритета. Исследователи игнорируют транскультурный потенциал сопоставительного анализа славянских и тюркских литературных памятников. Возникает очевидный исследовательский пробел: отсутствие верифицируемых данных о типологических схождениях и расхождениях в вербализации данной бинарной оппозиции. Цель исследования — выявить и сопоставить когнитивно-семантические модели репрезентации концептов «свой» и «чужой» в русской и узбекской исторической прозе, определив их роль в конструировании идентичности.

Материалы и методы

Эмпирической базой послужил параллельный текстовый корпус объемом 856 420 словоупотреблений. Русская историческая проза представлена романами А. Иванова («Сердце Пармы») и Е. Водолазкина («Лавр»). Узбекский сегмент составили произведения П. Кадырова («Звездные ночи») и О. Якубова («Сокровища Улугбека»). Дизайн исследования опирается на гибридную методологию. С помощью корпусного менеджера Sketch Engine применялся метод сплошной выборки для извлечения лексических репрезентантов. Степень статистической значимости различий вычислялась с помощью критерия хи-квадрат Пирсона (порог $p < 0.05$). На финальном этапе реализовывался компаративно-типологический и контекстуально-семантический анализ.

Результаты

Корпусная экстракция идентифицировала 2340 доминантных лексических единиц. Количественное распределение маркеров демонстрирует выраженную асимметрию. В русскоязычном сегменте концепт «чужой» актуализируется через пространственно-географические коды (64.3% от общего числа контекстов). Статистическая обработка выявила высокую корреляцию между альтеритетом и фронтальной топографией ($\chi^2 = 14.58, p < 0.01$). Анализ коллокаций показал устойчивую связь концепта со словами «степь», «лес», «граница». Чужеродность материализуется через столкновение с инородной природой.

Концептуализация «бегона» (чужой) в узбекской прозе демонстрирует иную архитектуру. Физическая дистанция не выступает определяющим фактором (частотность пространственных маркеров составила 18.5%). Доминируют религиозно-этические и социально-иерархические классификаторы (71.2%). «Чужой» часто находится внутри единого физического пространства, но отделен мировоззренческой стеной. Индексы сочетаемости указывают на превалирование лексем «хиёнат» (предательство) и «куфр» (неверие).

В обеих традициях концепт «свой» коррелирует с духовной преимственностью. В русском дискурсе соборность и почва выступают интегративными факторами. В узбекском дискурсе ядро концепта цементируется кровнородственными связями и верностью наследию предков (уровень ассоциативной связи $r = 0.78$).

Обсуждение

Выявленные расхождения логично объясняются через теорию семиосферы Ю. Лотмана. В русской исторической парадигме, сформированной в условиях экстенсивного освоения территорий, граница семиосферы имеет пространственный характер. Расширение государства требовало когнитивной адаптации географически «чужого».

Историко-культурная матрица Центральной Азии формировалась в условиях интенсивного цивилизационного перекрестка. Физическое соседство с инокультурными элементами являлось нормой. Защитные механизмы идентичности перенесли фокус на внутренние, этико-религиозные рубежи. Теория культурной памяти Я. Ассмана позволяет трактовать узбекский литературный хронотоп как интериоризированную систему: сохранение «своего» обеспечивается строгим соблюдением иерархических кодов внутри социума.

Научная новизна и практическая значимость

Впервые осуществлен масштабный квантитативно-кавалитативный анализ концептосферы «свой-чужой» на стыке данных литературных традиций. Практическая значимость заключается в имплементации результатов в академическую практику. Разработанные модели необходимо интегрировать в курсы теории перевода и межкультурной коммуникации. Переводчикам рекомендуется применять стратегии когнитивной компенсации, учитывающие нетождественность пространственного и этического восприятия альтеритета.

Заключение

Декодирование бинарной оппозиции «свой-чужой» выступает инструментом понимания глубинных механизмов этнокультурного самосохранения. Анализ доказал, что русская литературная традиция пространственно экстериоризует чужеродность, тогда как узбекская этически интериоризует ее. Дивергенция концептуальных картин мира создает многомерное пространство для взаимообогащения. Системный учет когнитивных различий позволит качественно модернизировать стратегии гуманитарного образования и укрепить базис академического перевода.

Литература

1. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge: Cambridge University Press; 2011.
2. Bakhtin MM. The Dialogic Imagination: Four Essays. Austin: University of Texas Press; 2014.
3. Lotman YM. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. London: I.B. Tauris; 2000.
4. Бабенко ЛГ. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. Москва: Академический проект; 2018.
5. Борисова ЕБ. Этнокультурные концепты в художественной картине мира исторического романа. Филологические науки. 2020;14(2):112-119.
6. Данияров БХ. Поэтика узбекского исторического романа: эволюция хронотопа. Ташкент: Фан; 2017.
7. Кадыров П. Звездные ночи (Юлдузли тунлар). Ташкент: Шарк; 2015.
8. Каримов НФ. Этнокультурная специфика бинарной оппозиции «свой-чужой» в тюркских языках. Вестник Центральноазиатского университета. 2021;8(4):45-52.
9. Соколова ЕВ. Альтеритет в пространстве исторического нарратива: опыт корпусного исследования. Вопросы когнитивной лингвистики. 2019;3:77-85.
10. Якубов О. Сокровища Улугбека (Улуғбек хазинаси). Ташкент: Гафур Гулям; 2018.